

Виктор ДЪЯКОВ

ОДНАЖДЫ В ЗУБАРИХЕ

ПОВЕСТЬ

Виктор Дьяков
Однажды в Зубарихе

«ЛитРес: Самиздат»

2001

Дьяков В. Е.

Однажды в Зубарихе / В. Е. Дьяков — «ЛитРес: Самиздат», 2001

Любовный треугольник эпохи "развитого социализма". Молодая не от мира сего колхозница Талька, мужеподобная внешне, тайно любит бригадира Николая. Николай пережил неудачный брак, будучи на "ударной стройке коммунизма". Разочаровавшись, он вернулся в родную деревню. Во время драки между бригадиром и подвыпившими мужиками, Талька спасает Николаю жизнь. Но Николай, уважая Тальку как человека и работницу, не в состоянии преодолеть физическое отвращение и полюбить её как женщину. Он любит ровесницу Тальки Лизу. Став невольным свидетелем любовного свидания Николая и Лизы, потрясённая Талька осознаёт, что у неё в этой жизни нет шансов быть любимой...

© Дьяков В. Е., 2001

© ЛитРес: Самиздат, 2001

ОДНАЖДЫ В ЗУБАРИХЕ

повесть

Август 1966 года, ясное утро, маленькая деревня Зубариха с трёх сторон обступленная лесами. Бригадир Михаил Белый, тридцатилетний коренастый, русоволосый мужик лёгкой пружинящей походкой переходит от избы к избе, стучит в окна:

– Дядь Степан?... Сегодня на силос пойдёшь, а тётке Марье скажи как вчерась, лён тереть... Иван Сергеич?... Клевер возить, "Тумана" запрягай... Митяй?... На конные грабли... Настасья?... Как вчерась...

Раздавая наряды, бригадир в мокрых от росы сапогах дошёл до внешне ничем не примечательной избы: три окна с резными наличниками и ещё маленькое окошко светёлки над парадной двустворчатой дверью, под стрехой соседствовали ласточкино гнездо и дощечка с изображением ведра, означавшая, что обитатели данной избы обязаны в случае возникновения пожара, прибывать на место оною именно с вёдрами... Наличники рассохлись, почти облезла с них краска, драпка на высокой остроконечной крыше давно уже стала пепельно-серой, как и тёс, коим обшит бревенчатый сруб – то была обычная довольно старая, требующая подновления изба, такая же, как и большинство прочих в Зубарихе. Перед избой три кряжистые ветлы, поодаль покосившийся колодезный сруб с маленьким навесом и тёмной цепью на вертушке...

Бригадир постучал в окошко, властным голосом позвал:

– Таль, а Таль!

Створки окна открылись сразу – Михаила тут ждали. Широколицая женщина в белом, с серой крапункой платке, повязанном низко, на самые глаза, выглянула и вопросительно, не говоря ни слова, смотрела на бригадира. Первое впечатление, которое производила женщина, побуждало воскликнуть, или подумать: ну и орясина! Даже не наблюдая её в полный рост, а вот так, высунувшуюся из окна, нельзя не определить необычную для женщины физическую мощь. Не только лицо, но и плечи, ладони рук, всё сразу бросалось в глаза, всё было необычно крупным, широким, почти лишённым мягкой женской округлости, грубым даже по деревенским понятиям.

– Вот что, Таля, ты сегодня это... В общем, надо Егору Скворцову с Васькой Митиным пособить на клевере, – бригадир, до того само воплощение деловитости и уверенности, вдруг как-то засмутился, стал отводить глаза. Ему было явно неудобно наряжать бабу в помощь мужикам, да ещё на такую тяжёлую работу, грузить клевер. Но выбора у него, увы, не оставалось, ибо мужиков в деревне вообще насчитывалось не много, да и те не все годились к работе такого рода...

Зубариха невелика, всего-то тридцать шесть дворов, но мужики обитали далеко не в каждом. Война выкосила большую часть тех, кто к середине шестидесятых достигли сорока-пятидесяти лет, ну а Целина вкупе со всевозможными Ударными Стройками магнитом всесоюзного аврала притянули к себе более молодые поколения зубарихинцев. Так что основную часть населения деревни составляли женщины в возрасте. Вдовы потихоньку доживали свой век большей частью одни, даже если и успели до войны обзавестись детьми – война сгубила мужей, "пятiletки" оторвали от них детей. Деревня стояла в стороне от большаков, больших дорог, кровеносных сосудов людского общения, а местные женщины того военного поколения совершенно не обладали способностью самостоятельно искать своё счастье по свету. Потому они покорно отдались во власть судьбы, обрётший их, без вины виноватых, на старение в одиночестве.

Вообще-то мужики в Зубарихе, конечно, имелись, особенно в промежутке между тридцатью и сорока годами. Им повезло с войной, на неё они не успели по малолетству, а вот для

Целины оказались староваты – к тому времени, к середине пятидесятых, многие уже обзавелись семьями и не так-то просто было сняться с такого якоря и ехать куда-то осваивать просторы залежных земель. Но они, как правило, пристраивались при каких-нибудь машинах, трактористами, комбайнёрами, шоферами... Так что для тяжёлых ручных работ оставались совсем уж никудышные, коим не доверяли технику, или старики. А если учесть, что среди сорока и пятидесятилетних бывших фронтовиков имелось немало инвалидов, без рук, без ног, с осколками в лёгких..., то выбор кандидатов для погрузки того же клевера у бригадира был крайне ограничен. Так что в горячую пору, когда сразу наваливались уборка клевера, ржи, ячменя, теребление льна... Ну, что касается льна и зерновых, тут ещё, куда ни шло. Со льном, основной культурой колхоза, справлялись женщины, к тому же сдельная система оплаты позволяла привлечь к тереблению и многих старух-пенсионерок. Рожь и пшеницу без особых хлопот убирала и обмолачивала комбайны, а вот с клевером получался завал. Ну, скосить скосили эту духовитую траву, столь лакомую для всякой травоядной скотины, конные косилки есть, лошади тоже, а вот как дошло до вывоза и закладки зелёной массы... Грузить вручную, вилами целый день огромные возы – не каждый мужик для такой работы годен.

– Хорошо Миш, – с готовностью отозвалась Талька на наряд, глядя на Михаила из-под платка с несвойственной для её обычного тупо-угрюмого выражения потаённой грустью.

– Ну и лады, – не скрывая облегчения, вздохнул Михаил и тут же виновато пояснил. – Понимаешь, хоть сам вилы бери. Не сегодня-завтра дожди обещают, а у нас, вона, клевера целая прорва в копнах лежит и у Маленького Леска и на Новенькой.

– Да, я знаю Миш, – всё так же с грустью как бы поддержала бригадира Талька.

– Ну и лады... Таль, ты там не очень-то надрывайся и не молчи. Если лодыря гонять будут, мне пожалуйся, не бойся, я им выпишу, – Михаил погрозил внушительным кулаком.

Талька виновато и безнадёжно улыбнулась одними губами, как бы благодаря за заботу, и в то же время давая понять, что никогда не воспользуется советом Михаила – она не умела жаловаться, может от того, что у неё никогда не было кому жаловаться.

– Ну ладно, побёг я, – Михаил суетливо поправил серую с пуговкой посередине кепку и, не оглядываясь, поспешил к следующей избе, легко неся своё ладно сбитое тело.

2

Тальке, Наталье Пошехоновой весной исполнилось двадцать восемь лет, но смотрелась она куда старше. Её с детства усыпанное веснушками лицо, давно уже от работы в поле, солнца и ветров, приобрело тёмно-бурый оттенок и выделялось даже среди прочих обветренных лиц зубарихинцев. Впрочем, деревенские девки и даже некоторые замужние бабы всячески пытались уберечь свои лица от неизбежного потемнения, чтобы хоть как-то конкурировать с городскими, что каждое лето как пчёлы на цветник наезжали сюда к своим родителям и дедам. Зубариха не всегда была такой маленькой. До тридцатых годов едва ли не вдвое насчитывалось здесь жилых дворов, о чём свидетельствовали и старые полуразвалившиеся, заколоченные и постепенно растаскиваемые необитаемые избы и кое-где слишком большие промежутки между домами, где тоже когда-то стояли жилища... Не только Война и Целина со Стройками вырывали отсюда людей. В тридцатых многих отсюда выкорчевали с "корнем", целыми семьями. Раскулачивали, выселяли, другие бежали сами, кого, едва достигших совершеннолетия, отсылали устраивать свою судьбу в города родители. Тяжело и голодно было тогда, а город манил неведомым весельем, вроде бы лёгким хлебом, а если прозаичнее – требовал дешёвой рабочей силы. Та миграция отличалась от более поздних: в тридцатых ехали если не "по этапу", то в основном в большие города и не далеко, в Москву, Ленинград, в областной Калинин, или на худой конец в райцентр Бежецк. И вот теперь уже закрепившиеся в городах зубарихинские

уроженцы наезжали к родне, служа чем-то вроде порывов свежего ветра в застоявшейся атмосфере местного бытия.

Так вот, как ни старались, что только не делали зубарихинские девчата: и молоком парным умывались, и заматывались платками до глаз, когда работали в поле, мазались без разбора кремами отечественного производства, завозимую в ближайшую торговую точку – ничего не помогало. Приезжие, среди которых, конечно, выделялись москвички и ленинградки, всё равно смотрелись и милее и белее лицами, не говоря уж о руках. Талька от косметических потуг односельчанок была бесконечно далека, а платком заматывалась, чтобы не бросалось в глаза её чересчур широкое лицо и вообще, жила она своей, особой, непонятной, а потому и неприемлемой окружающими жизнью

Сколько она себя помнила, в их избе не было мужика, а жили они вдвоём с матерью. Отец умер в 1942, в госпитале от ран. Тальке шёл тогда четвёртый год. Мать, Пелагея Степановна Пошехонова, по-деревенски тётка Пелагея, вторично замуж, как и большинство зубарихинских женщин, овдовевших в войну, так и не вышла. Но в отличие, например, от её ровесницы Настасьи Белой, которая даже в старости сохранила остатки былой красоты, тётка Пелагея, смолоду носившая прозвище "жердина", для повторного замужества имела бы мало шансов даже при наличии потенциальных женихов. Рослая, но плоскогрудая, с острым конопатым лицом, к старости она превратилась в ходячую мумию. Муж её тоже был не видный, мелкий и слабосильный. Тем непонятнее, чьи гены участвовали в создании Тальки, так как росла она невероятно крупной и крепкой.

Родись она в городе, да попади на глаза хорошему тренеру, может быть и не видать Тамаре Пресс своих медалей и рекордов, тем более, по большому счёту, ничего особенного в физических данных той знаменитой метательницы начала шестидесятых годов не было. Другое дело более поздние, Чижова или Мельник, но, пожалуй, и с ними бы могла поспорить Талька. Увы, родилась она в деревне, да ещё в такой глухой, росла без отца, а в силу замкнутого, необщительного характера, и без подруг, а мать...

Болезненная, едва себя таскающая, но примитивно-хитрая и не испытывавшая никогда, не то что материнской любви, а, пожалуй, и вообще родственных чувств к единственной дочери, тётка Пелагея, по-своему смекнула, как с наибольшей пользой для себя использовать физическую мощь Тальки. Ничуть не мучаясь угрызениями совести, она переложила на неё постепенно, по мере взросления, всю домашнюю работу и мужскую и женскую. Загруженностью по дому объясняла она и то, что Талька после четвёртого класса перестала ездить в школу-семилетку, расположенную в большом селе Воздвиженском, центральной усадьбе колхоза. В школе с этим смирились спокойно – то ведь не единичный случай, к тому же учёба Тальке давалась трудно. А добраться по бездорожью до Зубарихи, проверить, что и как, и почему девочка не посещает школу, учительнице было не просто, да может и желания такого она не имела – всякие там подвижники, горящие на каком-нибудь поприще, это не более чем исключения, в основном ведь Землю населяют обычные люди.

К шестнадцати годам Талька настолько освоилась в доме с ролью мужика-бабы, что тётка Пелагея почти полностью самоустранилась от домашних забот. Примерно с той же поры Тальку и в колхозе нет-нет, да и привлекали для всякого рода тяжёлых мужских работ, и постепенно это стало обычным делом. Никого уже не удивляло, что Талька по прозвищу "ломовая" ломит любую работу наравне, а то и лучше многих мужиков. Косить траву, колоть и пилить дрова, таскать мешки с зерном или картошкой, сорокалитровые бидоны с молоком, чистить вилами и лопатой огромные колхозные скотные дворы, ходить за плугом, то есть пахать... не говоря уж об обычной женской деревенской работе, такой как дойка коров, теребление льна... – она всё тянула без усталости, только год от года становилась всё шире и сильнее. Подсмеиваться над ней тоже стало обычным делом. Особенно усердствовали бабы и мальчишки. Про Тальку ходили всевозможные анекдотические байки далеко не добродушного содержания, типа, что у неё

вовсе не бывает месячных, потому, как она не баба, а чёрти кто, или, что родила её тетка Пелагея не от своего хилого мужика, а от знаменитого до войны колхозного быка-производителя по кличке "Бушуй". До Тальки эти злые шутки то ли не доходили, то ли она просто не обращала на них внимания. Дни напролёт в работе, угрюмая, огромная, граблелаяпа дожила она до своих двадцати восьми лет.

Утром Талька поднялась как всегда, в пять, затопила печь, разожгла сложенные на манер сруба парами поперёк поленья. Потом пошла на скотный двор доить корову, спокойную холмогорку Зорьку. В шесть пастухи сгоняли коров и Талька, открыв большие скрипучие ворота, принимая меры предосторожности, чтобы не выбежали овцы, выпустила Зорьку в общее стадо. Очередь овец настала в половине седьмого.

Дрова тем временем уже почти прогорели и на Тальку, когда она отняла печной заслон, пахло тугой силой жара. Быстро орудуя кочергой, она задвинула тлеющие остатки поленьев вглубь печки, туда, где скопились, ожидая очередной чистки, горки золы и древесных угольев и ухватом поставила в полукруглый зев печи чугуны с похлёбкой из вяленой баранины, пшённой кашей и водой – и завтрак, и обед, и ужин. Затем Талька поднялась на припорошённый соломой настил под насестом и, согнав несущек, собрала пяток яиц. Потом, наскоро ополоснув из ковшика испачканные в навозе босые ноги, прошла к окну и стала ждать... Едва услышала стук в окно и голос Михаила, она распахнула заранее расшпингалетенное окно...

Тётка Пелагея проснулась, когда Талька разговаривала с Михаилом, но продолжала тихо лежать на печи, прислушиваясь. Как только окно затворилось, она сразу заворочалась, болезненно закричала на своём печном ложе от, уже начавшего пробираться её сухие рёбра, тепла сгоревших поленьев. Талька молча собрала на стол. Обычно, тётка Пелагея дожидалась пока дочь позовёт её позавтракать, после чего следовало бранное ворчание: куда в такую рань, никакого уважения к матери, вот помру...

Третий год пошёл, как вышла на пенсию мать, а вот по дому уже лет двенадцать как всё лежало на талькиных плечах. Но тётка Пелагея, похоже, искренне этого не замечала и на манер испорченной патефонной пластинки повторяла изо дня в день, как и в те годы, когда действительно кормила тогда ещё маленькую дочь:

– Халда непутёвая, ни головой, ни руками ничего не умеешь... даром, что здоровая Федора выросла... ить трём свиньям корму не поделишь... долголь ишшо на шее у меня сидеть будешь!?... Талька с этим настолько свыклась, что как бы и не слышала, не вникала в смысл произносимых матерью слов. Так как спешить тётке Пелагеи было некуда, то и завтракала она позже дочери. Талька успела съесть свою кашу, запить парным молоком и уже одетая намеревалась идти на работу. Тут её и задержала, наконец, слезшая с печи и сходявшая на двор, мать. Перед уходом дочери она обязательно устраивала ей, своего рода, контрольный опрос:

– Яиц-то, сколь севодни снесли? ... А ты всёль поглядела-то, чай под дальнюю жердину не лазила? ... Молока-то што так мало, неужто выдула столько? ... Ну, ты и прорва, на тебя не напасёшси, коровы скоро мало будет таку кормить. Хоть бы о матери подумала, я ить не ела ишшо... Куды нарядили-то? ... На клевер? И чево это он тебя туды опять ставит? ... Ох и дурищца ты, всё не знаю, да не знаю, больше и сказать-то ничиво не выучилась. Ты хоть для себя постарайси, колода непутёвая, не всё ж мне об тебе думать. Который раз говорю, не зевай дура, дождёшси вот так у окна сидючи, уведёт кака-нибудь молодка Мишку-то... Эх, да кто ж тебя возмёт таку, до самой смерти моей, видать, на шее висеть будешь, халда бестолковая... Ты тама это, как на обед-то придёшь, на сараюшку слазь, крыша тама течёт. Чай сама видала, а сделать-то не догадасься, всё тебе указуй. Когда своей-то головой жить начнёшь? Да дранки принеси, гвозди-то есть...

Михаил Белый вернулся в родную деревню в позапрошлом году, после десятилетнего отсутствия. Отслужив армию, он, как и большинство его деревенских сверстников, поехал не домой, а по комсомольской путёвке в Сибирь, на строительство крупнейшей по тому времени ГЭС. Работал там, по слухам, Михаил ударно, выбился в бригады, там же женился, но почему-то быстро развёлся, и вот ... вернулся. Случай беспрецедентный, ведь из деревни, кто так же срывался искать лучшую долю, никто ещё насовсем не возвращался. Другое дело в отпуске, погостить у родителей, порассказать о Большой жизни, похвастаться – таких было немало. Михаил же о своём пребывании в Сибири рассказывать почему-то не любил, потому в деревне о том периоде его жизни знали в основном по слухам, рождающим домыслы.

По возвращении, не проработал Михаил в родном колхозе и года, как его и тут выдвинули в бригады. Он не был рвачом-карьеристом, да для таковых Зубариха не слишком-то привлекательная стартовая площадка. Просто с бригадами в этой бригаде (то есть в Зубарихе, которая и являлась одной из бригад колхоза "Ленинский путь", объединявшим с десятков больших и маленьких деревень и сёл) с некоторых пор не везло...

Хоть и в стороне от дорог и в отдалении от центральной усадьбы располагалась деревенька, а вот поди ж ты, именно зубарихинец, сорокачетырёхлетний Сергей Иванович Пылаев выбился в замы председателя колхоза. То ли сумел как-то вовремя подсуетиться Сергей Иванович, то ли просто повезло ему, призванному в войска НКВД, прослужить всю войну вдали от передовой, и единственной "боевой операцией", в которой ему довелось участвовать, стало выселение чеченцев. Где-то всё-таки отличился в те годы Сергей Пылаев, и хоть вернулся домой почти без наград-побрякушек, но зато с наградой куда более весомой – партбилетом в кармане. А если к тому же добавить целые руки и ноги, не подорванное здоровье, то можно смело сказать – по настоящему повезло в сравнении с ровесниками Сергею Ивановичу. Наличие партбилета, тогда у единственного в деревне, и предопределило столь успешную карьеру Пылаева.

И вот, с тех самых пор, когда бригадой несколько лет лихо и шумно рулил Пылаев, благополучно ушедший затем на повышение, кого ни ставили на бригаду, никто больше двух-трёх лет на этой властной вершине местного масштаба удержаться не мог. И в окрестных деревнях и в самом Воздвиженском колхозные кормчие тоже были не без греха. Да и кто ж удержится, не попользуется за счёт колхоза, раз до властишки добрался? В конце-концов, не Нагульновы с Давыдовыми сидели в правлениях девяноста девяти процентов советских колхозов, а обыкновенные люди, у коих имелись, и семьи, и прочие родичи со всеми вытекающими отсюда последствиями, да и по части выпивки, были они обыкновенные русские люди. Но зубарихинские бригады даже на этом "фоне" выделялись, стараясь поскорее "нахапать" на всю оставшуюся жизнь, либо на тот же срок напиться дармовой водки (её регулярно ставили за различные мелкие услуги рядовые колхозники и особенно пенсионеры), или то и другое вместе. И, конечно, появившийся вдруг в деревне малопьющий, обстоятельный Михаил, к тому же с опытом бригадирства на "Ударной Стройке Коммунизма", пришёлся как нельзя кстати.

Вопреки пессимистическим прогнозам молодой бригадир пока что довольно уверенно держал в руках бригадный штурвал. Конечно, во взаимоотношениях с мужской частью бригады полной идиллии быть не могло, зато его опорой стали женщины (более двух третей "личного состава"). Вежливый, обходительный – таким вся деревня помнила его с детства – он пользовался среди них неоспоримым авторитетом. Тому же способствовало и то, что не в пример своим предшественникам Михаил всегда был крайне деликатен при наряжении женщин на работу. Потому, назначая Тальку в помощницы двум не больно радивым в работе мужикам, он испытывал неловкость, отлично осознавая, что, скорее всего, именно на неё придётся основная нагрузка.

Мужики, сорокалетний грузный тугодум Егор Скворцов и тридцатисемилетний низкорослый, но шабутной замурышка Васька Митин, не выказали восторга от известия, что им в помощницы нарядили Тальку. И дело было даже не в том, что на троих с ней не сообразить. Если приспичит они могли и вдвоём и даже поодиночке напиться. Это в городах было модно трюить, а в Зубарихе всё проще и даже можно обойтись вообще без денег. Привезти, к примеру, втихаря с полвоза колхозного сена бабке Устинье Черновой, известной на всю окрестность самогонщице, да и в долг бабка не отказывала. А с Талькой не любили вместе работать зубарихинские мужики потому, что рядом с ней они вынуждены были стараться всюю – отстать от бабы не позволяла мужская гордость, а поспеть за ней не так-то просто.

Скошенный клевер собрали в копны раньше срока – ему бы ещё пару-тройку деньков полежать, посохнуть. Но с правления торопили, со дня на день обещали ливни с грозами, да и без того видно как "парит" земля, всё темней и массивнее облачность. Копны грузили на телеги, укладывали плотно и широко. Пять-шесть копён составляли воз. Егора с Васькой, мужиками-работниками можно было считать лишь с некоторой натяжкой. Хоть и были они ещё далеко не старые, но кое-чего не дала им природа, и многое в этом плане усугублялось регулярным общением с низкокачественным "зелёным змием" производства бабки Устиньи.

Сначала, со свежими силами, по утреннему росистому холодку работа худо-бедно спорилась. Заглубелые ступни Тальки почти не чувствовали никакого дискомфорта от соприкосновения со свежескошенным клеверным полем, лишь изредка наиболее твёрдые и острые отростки доставляли некоторое беспокойство. Мужики работали обутыми, Егор в кирзовых сапогах, Васька в каких-то грубо сляпанных брезентовых ботинках.

– И как это тебе не колко?– неприязненно покосился на ноги Тальки Васька.

Талька молча продолжала орудовать вилами.

– Шкура наверно бычачья,– вновь подначил Митин, но получив в ответ всё то же безразлично-безмолвное манипулирование четырёхзубым орудием труда, сплюнул и в свою очередь остервенело вонзил в копну свои вилы.– Ну-ка держи, чево ты тама, чай уснул!? ... Утопчи, утопчи шибчей, нечева пустую телегу туды-сюды гонять,– закомандовал вдруг возчиком Васька, сам себя производя в неофициальные лидеры этой мини-бригады.

Талька подавала и подавала клевер, а потом, когда воз был нагружен и утоптан, подхватывала грабли и очёсывала его со всех сторон, пока мужики отдыхали, покуривая в сторонке. Час от часу становилось всё жарче, облачность, в отличие от предыдущих дней выдалась небольшой и солнце, не встречая препятствия, припекало всё сильнее. Мужики постепенно выдыхались, не выдерживая взятого с утра темпа. Васька уже не покрикивал на возчиков, уже без залихватских криканий, с натугой подавал он клевер, цепляя вилами раз от разу всё меньше. Егор силой значительно превосходил Ваську, но до того он неповоротлив и неловок, настолько медлителен, будто родился с тягучим киселём в жилах вместо крови. К тому же для него, чрезмерно рыхлого, жара являлась первейшим врагом: тёмный пот выступил сквозь его тёмную сатиновую рубаху, струясь по лбу, застилал глаза, тяжёлое, взхлёб дыхание, свидетельствовало, что и он на пределе. Они избегали смотреть на Тальку, которая работала как машина, без усталости, монотонно, нанизывая сразу по четверти копны на вилы, а потом ещё вместо передышки очёсывала воз.

Бригадир приехал на своём "Ковровце" как раз в тот момент, когда раздевшиеся до потных маек мужики сидя перекуривали, а Талька бегала вокруг воза с граблями. Михаил в порыве возмущения сразу накинулся на куряк:

– Чё расселись-то, а!? Она ещё сколь убрать надо! Чё подводы-то задерживаете, ужо ведь дождь шибанёт!? Курить, что ли сюда пришли!?

– Умаялись, не вишь что ли... Это те не на мотоцикле разъезжать, сам попробуй раз здоровый такой!– зло огрызнулся Васька, затапывая окурок.

– Умаялись?! Ах ты беднай,– передразнил Михаил.– А она, вона, чай не умаялась! Хоть бы совесть каку поимели, баба вкалывает, а оне развалились тута, курют...

– А нам всяка малохолная дура не указ!– орал срываясь на фальцет Васька.– Ей что, у ей чай ни мужика, ни детей, и не будет никогда, у ей чай и в жисти-то окромя энтой работы ничего нету, может ей тута продых от каторги, что дома-то ей Пелагея устроила! А у нас друга жисть, человеческа, понимаешь, али нет, у нас дома бабы с робятами!

Васька, плюгавый, невзрачный, тем не менее, не редко распялялся и становился по-настоящему опасен, не раз в пьяных драках с успехом компенсируя злостью и остервенением недостаток физических кондиций. И сейчас он говорил и смотрелся настолько убедительно, что со стороны, у людей непосвящённых, не могло возникнуть сомнений в его правоте. С фундаментальной убеждёностью он заключил:

– Нам и для их, для баб своих здоровью побережь надо, и робят на ноги ставить. Кто их кормить-то будет, ежели околеем, тута надорвавшись?

– Эт верно,– раздумчиво согласился с Васькой Егор и посмотрел на бригадира как степенный семейный мужик на неоперившегося холостого юнца.

Михаил, не ожидавший такой отповеди, на мгновение опешил, но тут же оправился и с беспокойством глянул в сторону Тальки: слышала ли. Конечно слышала, ведь этот психованный так орал. Талька, однако, не подала виду, продолжая невозмутимо угребать только что очёсанное сено. "Наверное не поняла",– неуверенно подумал Михаил и тут же по-армейски, в приказном порядке оборвал дебаты:

– А ну, кончай баланду травить, вилы в зубы, вперёд и с песнями! Ещё раз увижу, что она работает, а вы курите, по трудовню сыму!

Тон и решительный вид бригадира подействовали моментально. Мужики хоть и нехотя, но довольно проворно взялись за вилы, и, чертыхаясь, пошли к очередной копне, возле которой стояла подвода, а возчик, сунув лошади под морду ворох клевера, прилёг в тени той копны, с интересом наблюдая за перепалкой.

Где-то ближе к полудню, когда солнце в союзе с влажностью образовали весьма чувствительную духоту, мужики, так и не дотерпев до обеденного перерыва, побросали вилы и, объявив большой перекур, повалились в тень под копну. Подъезжавшие возчики тоже без особого сожаления покорились обстоятельствам.

Не в пример большинству ударниц и ударников, из тех, кто по молодости лезли в передовики, в надежде, что это позволит им в обозримом будущем навсегда расстаться с постылым физическим трудом, стать каким-нибудь делегатом и всю оставшуюся до пенсии жизнь ездить на съезды, слёты, делиться опытом... а ещё лучше пробиться в какое-нибудь начальство... Нет, Талька всей этой незамысловатой житейской хитрости времён социализма не ведала. Просто самая тяжёлая работа давалась ей сравнительно легко, ведь она была невероятно сильна и вынослива. И ещё, с малых лет она стеснялась сама себя, своего роста, силы и потому инстинктивно старалась, как можно меньше обращать на себя внимание. И сейчас она осталась верна себе: как только мужики завалились под копну, она тоже кончила работу. Но чтобы не терять зря времени решила сбегать втихаря, пока мужики дремлют, разморенные полуденным маревом, в находящийся рядом метрах в ста от клеверного поля Маленький Лесок, небольшой листовенно-хвойный островок, омываемый со всех сторон гладью полей и покосов. Пятнадцати-двадцати минут Тальке обычно хватало, чтобы насобирать в платок полтора-два десятка подосиновиков и боровиков.

В Леске уже были грибники. Отдыхающие горожане, только они могли позволить себе роскошь пойти по грибы в самую горячую пору полевых работ.

– Смотри, Талька Ломовая идёт!– тревожным шёпотом сделал сообщение своему брату мальчик лет двенадцати, одетый по городскому, в яркую цветную рубашку, спортивные штаны и кеды. Его младший брат-погодок, отвечал, переняв ту же тревогу:

– Бежим маме скажем, а то она все грибы соберёт...

Ещё один талант Тальки, быстро собирать самые разные лесные плоды, тоже не вызывал восхищения у односельчан, как и её необыкновенная работоспособность. Она всегда что-нибудь приносила из леса, даже когда прочие грибники и ягодуки возвращались пустыми. Те неудачники объясняли это чаще всего именно так: там перед нами Талька прошла, да всё и выскребла.

Мальчишки добежали до матери и наперебой спешили сообщить:

– Мам... мам! Там Талька Ломовая пришла... она... она все грибы тут сейчас соберёт, нам ничего не оставит, она всегда так делает!

– А ну тише!– прикрикнула на них мать.– Как вам не стыдно, какая ещё ломовая, разве так можно?

– Да её все так в деревне зовут, говорят она малохолдная...

– Тише я вам сказала, перестаньте нести чушь!– вновь решительно перебила она сыновей.

Женщине было тридцать пять лет, коренная ленинградка, она за исключением эвакуации, которую пережила будучи маленькой девочкой, никогда до этого лета за пределы родного города не выезжала. В Зубариху, на родину своего мужа, она приехала впервые и никак не могла свыкнуться с местным жизненным укладом. Другое дело её сыновья, они на редкость быстро адаптировались к зубарихинской действительности, и месяца пребывания в гостях у бабушки им вполне хватило, чтобы быть в курсе основных событий, происходящих в деревне.

Маленький Лесок невелик, разойтись в нём сложно и они встретились примерно минут через десять, после того, как Тальку впервые увидели мальчишки. Рассеянная, расслабленная ленинградка (куда ей спешить-торопиться) обозревала окружающую благодать: в лесу прохладно, сухо, солнечный свет просвечивал густую листву, создавая особый мягкий с изумрудным отливом световой фон, птицы неназойливо пели и щебетали, нечто вроде соло на барабане исполнял дятел, добывая из-под коры деревьев питательных для него мошек...

Женщина с сыновьями за два часа хождения по лесу нашли не более десятка подосиновиков и подберёзовиков, да несколько чахлах сыроежек. Талька, успевшая за десять минут обшарить листовенную часть Леска обнаружила в траве, под опавшими листьями и во мху, одних красношапочных подосиновиков больше десятка и почти столько же коричневоверхих обабков (так в тех местах звали подберёзовики). Сыроежки она брала не все под ряд, а только молодые и крепкие, годные для соления, с той же целью были найдены и уложены в платок четыре больших груздя и несколько средних волнушек.

Особенность Маленького Леска заключалась в том, что он кроме листовенной части, составлявшей примерно три четверти его площади, имел ещё и хвойную елово-сосновую часть, небольшой сухой бор. Здесь в тёмно-рыжей опавшей хвое прятались грибы, что всегда являлись желанной мечтой любого грибника, боровики – белые грибы. И только Талька собралась приступить к скоростному "прочёсу" и этой части Леска, уже издали заприметила семейство толстоногих боровичков, пытавшихся использовать в качестве прикрытия куст духовитого богульника, вызывающего пьянящую головную боль... Тут-то она и увидела всё питерское семейство. Мальчишки, чистенькие, по городскому аккуратные, в сравнении с босоногой, одетой преимущественно в чёрный или синий сатин деревенской ребятнёй, Тальку не заинтересовали, зато женщина...

Приезжие горожанки всегда отличались от местных зубарихинских женщин, хоть большинство из них имели местные корни. Но даже они, бывшие зубарихинские девчата, попав в города, буквально за несколько лет приобретали какой-то особый городской лоск. Большую роль, конечно, играла одежда. Благодаря ей, городским платьям, юбкам, кофточкам, купальникам, невиданному здесь белью... новоиспечённые горожанки смотрелись, что называется, на порядок лучше своих бывших подруг-односельчанок. Но не только одежда определяла тот лоск, многие становились в городах какими-то не по-деревенски холёными, ухоженными, менялась их речь, поведение. Впрочем, далеко не всегда это означало, что новые горожанки становились культурнее и воспитаннее. Форсящие перед деревенскими модными обновами и причёсками, обитательницы барачных и фабричных общежитий иной раз, выдавали такие образцы "гегемонского" хамства и похабщины, что вгоняли в краску даже первых деревенских нахалюг и матершинников обоего пола.

Ленинградка среди приезжих являлась, пожалуй, единственной коренной горожанкой. Тонкая и изящная, в светлой соломенной шляпке, полосатой лёгкой кофточке, подогнанных по фигуре тёмных брюках и маленьких белых босоножках, одетых явно по неопытности, незнанию, что лес и парк это не одно и то же... Она, наверное, испугалась, увидев следящую за ней темнолицую Тальку – просторная грубо тканная льняная рубаша бело-серого цвета, широкая, мешком пошитая юбка, делали её ещё более объёмной и бесформенной.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровалась, оправившись от первоначального испуга, ленинградка и тут же приказала детям, – А ну-ка поздоровайтесь, как вам...

– Здравсте, – еле слышно, хоть и одновременно выдавили из себя мальчишки.

Талька кивнула в ответ, не сводя глаз с женщины, дивясь её неземной легковесности и хрупкости. Глядя на малюсенькие босоножки ленинградки, она участливо произнесла:

– У нас тут змеюки бывают, во мху хоронятся и коряги острые, ноги-то пораните, тута сапоги надобно одевать.

– А как же вы, совсем босая? – удивлённо спросила женщина и её голос срезонировал куда-то вверх, звонко, к вершинам прямых высоченных сосен.

– Я то, чай, привышная, у меня шкура толстая, а вот вы... И тувельки, такие красивые замараете, – с ласковой жалостью проговорила Талька и быстро пошла прочь, так и не сорвав боровиков, думая что-то своё, провожаемая изумлёнными глазами женщины и её сыновей...

6

До обеда дотянули кое-как. Мужики, не обращая внимания на Тальку, держали невысокий темп, время от времени о чём-то тихо переговариваясь. На обед поехали с последним возом. Талька отказалась лезть на воз с мужиками, на что Васька сквозь зубы презрительно процедил:

– Никак стесняйся? Да кто ж тебя шшупать-то возьмётся, тама чай всё одно, что стенка бетонна в силосной яме?

Талька, широко шагая по тропке в желтеющем овсяном поле, вышла прямо к колхозной ферме, расположенной параллельно деревни напротив центрального выгона. Сосед Пошехоновых дед Иван Корнев, вернувшийся с молокозавода, сгружал с телеги порожние молочные бидоны.

– Здравствуй Таля, – ласково поздоровался дед.

– Здравствуйте дядя Иван...

Деда Корнева в Зубарихе тоже считали не вполне нормальным за его неестественную доброту к окружающим и в особенности к детям. Настоящий же патологией считалось то, что он совершенно не делал различий между своими детьми и чужими. Особенно доставалось ему

за эту характерную аномалию от собственной супруги, тётки Ирины, сухой и жилистой старухи. Во зле вспоминали о том, как о вредной причуде отца, и уже взрослые дети, давно перебравшиеся на жительство в Москву. Доставалось ему за свою "слабость" и по сей день:

– Ах ты разепай старый, опять все конфеты раздал, своих внуков сколь наехало, а он чужим на улице всё скормил!– так шумела на мужа бабка в последние годы. Примерно также, но имея в виду не внуков, а детей в двадцатые и тридцатые. Но ничто не могло изменить Ивана Егоровича – одаривая первых встречных ребятишек гостинцами, кои он привозил всё равно когда и откуда, он испытывал какое-то неведомое окружающим удовольствие, видя как те радуются, прячут за пазуху, даже забывая поблагодарить... В эти моменты у него как будто отшибало разум – ведь делал добро за счёт своих собственных детей или внуков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.